

Могила старика и невестки

Почему обычная поговорка о плетении косичек вызвала такую бурю? Причина в том, что брат и сестра из семьи Хэй Тайян истолковали фразу «три плетут два, два плетут три» как «три меняют два, два меняют три». Этот семейный позор был для них словно паршивая болячка на макушке, которую они боялись показывать людям больше всего на свете. Они решили, что девушка с батогамы намекает на их «паршивую болячку», содирая с них кожу до крови и выставляя на посмеище перед толпой. Разве могли они стерпеть подобное?

Об этом «семейном позоре» брат и сестра Хэй Тайян тоже слышали случайно, когда их второй дядя бормотал в пьяном виде, но подробностей не знали. Чтобы узнать всё до конца, нам нужно немного вернуться в прошлое.

Давайте повернем время вспять на несколько десятилетий и расскажем о тогдашней исторической эпохе и происхождении действующих лиц.

На солнце тоже бывают пятна, и великий вождь был всего лишь смертным из плоти и крови, а потому тоже совершал ошибки. Усопшие лишь посмеиваются над книжной наивностью иных людей, которые тщетно пытались постичь мудрость святого мужа. Вероятно, вождь желал лишь того, чтобы в течение его жизни просияло еще больше лучезарных лучей, и чтобы его великое, милосердное, бескорыстное, мудрое и теплое сияние личности осветило простолюдинов по всему миру. Его первоначальный замысел был на сто процентов прекрасным и благим, но из-за этого он порой действовал слишком поспешно и радикально.

Должно быть, вождь стремился при жизни идти в авангарде и первым в стране осуществить заветную мечту, из-за чего в 1958 году развернул грандиозное «Движение Большого скачка». Простолюдинам в те времена были прекрасно знакомы лозунги: «Десять тысяч лет — это слишком долго, боритесь за каждый день!» и «Бегом в коммунизм!». Тогда уезд Фаньсянь в провинции Хэнань уже перевел эту мечту в календарный и предметный план, расписав переход к коммунизму на три года. Выступая с докладом, секретарь уездного комитета партии ярко описывал будущую жизнь: «Каждый попадает в новый рай, еда, питье, одежда и обувь — всё даром; цыплята, утки, рыба и мясо необычайно вкусны, за каждым приемом пищи — ровно четыре блюда; фрукты можно есть хоть каждый день, нарядов — не сносить; все говорят, что небеса прекрасны, но небесам далеко до нового рая». Когда вождь ознакомился с «трехлетним планом» Фаньсяня, он легко улыбнулся и написал резолюцию: «Этот документ весьма интересен, он похож на стихотворение и, кажется, вполне осуществим. Сроки, пожалуй, слишком торопливы, но ничего страшного, если не управятся за три года, можно продлить». Из этой резолюции видно, что и он сам разделял мнение о возможности и осуществимости скорейшего претворения высших идеалов в жизнь.

О таких людях солнечного масштаба, как вождь, можно сказать: во все времена, как в Китае, так и за рубежом, он был единственным в своем роде! Почему так говорят? Из-за энергетики и рока судеб. Это не идеализм, а наука, ведь судьбу можно рассчитать с математической точностью. Всеобщий закон таков: будь то мелкое дело отдельного человека, зарабатывающего на пропитание семьи, или же грандиозное предприятие, процветание и умножение целой нации и государства — все они проходят через цикл: три года малых перемен, десять лет больших перемен и тридцать лет колоссальных перемен. При этом «энергия» внутри проходит

стадии подъема, сгущения, укрепления, превращения в общепринятую тенденцию и всеобщего распространения, пока наконец не достигнет неукротимого потока, сметающего все на своем пути. Успех невозможен до наступления этого момента, а его секрет выверен с точностью до года, месяца, дня и часа, вплоть до механической секунды — нельзя обойтись без того, чтобы не ступить ровно на ту самую секундную стрелку. Взлеты и падения судеб не поддаются объяснениям, а возвышение выдающихся личностей — это совпадение бесчисленных случайностей. Если использовать образное сравнение, это похоже на приготовление паровых пампушек: нужно дать настояться пару, собрать его, направить и распределить равномерно. Пока потоки энергии не циркулируют должным образом и не пройдет положенное время, пампушки не поднимутся. Особые исторические условия, международный и внутренний климат, великая атмосфера самого Китая и шанс, выпадающий раз в тысячелетие, создали вождя. Иметь деньги не так хорошо, как иметь власть, иметь власть не так хорошо, как иметь таланты, а иметь таланты не так хорошо, как обладать удачей. С древних времен в истории людей с деньгами, властью и талантами было как песчинок в реке, но счастливая звезда сошлась и вселенная благоволила лишь одному человеку — вождю, а не Чжан Готао и прочим. Помимо личных моральных качеств, характера и способностей, это было неотделимо от удивительного переплетения бесчисленных внешних обстоятельств.

У вождя была голова поэта, переполненная неисчерпаемыми и причудливыми замыслами. Идеи, которые он внушал китайскому народу, звучали так: «Тридцать лет пролетели, словно мгновение ока. Можно взмыть на девятое небо за луной, можно опуститься в пять океанов за черепахой, и вернуться с победным смехом и песнями. Нет ничего трудного в мире, если только есть воля карабкаться вверх. Уверенный в себе человек проживет двести лет, рассекая воду на трех тысячах ли. Богиня, должно быть, здорова и невредима, она изумится переменчивости мира. Если говорить о выдающихся героях, то все они — лишь люди сегодняшнего дня». И так далее. Вся жизнь вождя была великой, священной жизнью, жизнью непрерывного превхождения истории, небес и самого себя. Уважаемый вождь из года в год творил грандиозные события, безостановочно верша перемены ветров и облаков, и никто не мог постичь глубину его замыслов.

В первые десятилетия после освобождения в нашей стране одно за другим гремели политические движения.

При «Большом скачке» было недостаточно просто выкрикивать лозунги — требовались реальные дела и результаты. А когда начинают соревноваться результатами, состязание неизбежно доходит до абсурда, порождая хвастливый ветер, или же ветер показухи. «Нет ничего невозможного, есть лишь то, о чем не смогли подумать», «Нет отваги — нет и урожая», «Насколько хватит смелости у человека, настолько щедрой окажется земля» — таковы были лозунги той эпохи. В селе Хуанляньшуган уезда Эгуансянь появилась «высокоурожайная спутница» с урожайностью пшеницы в тридцать тысяч цзиней с му. А «высокоурожайный спутник», запущенный в уезде Сюйшуй провинции Хэбэй, заявлял: один ямс весит пятьсот цзиней, а урожайность ямса с му составляет один миллион двести тысяч цзиней. На самом деле всё это сводилось к тому, что сельскохозяйственные достижения целой бригады, а то и нескольких бригад, свозили на один клочок земли, чтобы взвесить на весах.

Проводилась и массовая выплавка стали: собирались все металлические изделия у населения, включая кухонные ножи в каждом доме и набат в деревнях. Теперь на больших деревьях в селениях больше не увидишь тех старинных бронзовых колоколов — всё потому, что в те

времена их собрали и пустили на переплавку.

Ввели общественное питание, запретили дымам подниматься над крышами крестьянских домов, каждый день резали свиней и коров, наслаждаясь счастливой коммунистической жизнью.

Общественные столовые, создание народных коммун, внедрение кооперативов и производственных бригад, военная подготовка ополченцев привели к тому, что в каком бы уголке страны ни находился человек и что бы он ни делал, его действия ежедневно кто-то засвидетельствовал. Нельзя было действовать в одиночку, не оставалось ни времени, ни возможности для дурных поступков.

Вождь, привыкший строить планы в тишине командных палаток и командовать миллионными армиями, решая исход сражений за тысячи ли, судя по всему, по инерции мышления после освобождения перенес этот стиль и на всё простое население страны. В промышленном и сельскохозяйственном производстве в основном утвердилась военизированная организация, боевой характер труда и коллективизация быта.

Вождь был фигурой, внезапно явившейся из ниоткуда, и вполне предсказуемо, что его образ жизни строился по непрерывному героическому наступлению, его жизненной позицией было нежелание мириться с одиночеством, а крылатыми фразами — «Пока жизнь продолжается, борьба не утихает», «Борьба с небесами приносит бесконечную радость, борьба с землей приносит бесконечную радость, борьба с людьми приносит бесконечную радость». Всю свою жизнь он стремился к тому, чтобы всё вокруг бурлило и кипело. Какую из трех великих кампаний он ни затевал — разве в каждой из них не участвовало по четыреста-пятьсот тысяч солдат, больше, чем население небольшого современного города? А если прибавить вражеские войска, то в осаде отдельных городов и местностей сходилась по меньшей мере по миллиону человек. Какая грандиозная и величественная картина! Но вот наступило освобождение, масштабных войн больше не было, а вождь, привыкший режиссировать «блокбастеры», мог только и делать, что запускать грандиозные кампании.

Последним движением, которое поднял вождь, стала грандиозная Пролетарская культурная революция. Сначала кампания обрушилась на восемь категорий людей: помещиков, богатых крестьян, контрреволюционеров, плохих элементов, правых, предателей, шпионов и приверженцев капиталистического пути. Однако со временем этих врагов затащили до такой степени, что их почти не осталось — на весь политический подмосток страны стало не хватать для травли. Тогда-то и обнаружилась девятая категория — интеллигенция.

Численность интеллигенции была особенно велика, спрос на нее превышал предложение, так что она могла удовлетворить любые потребности травли в самых разных ситуациях, причем клеймить ее можно было снова и снова, находя все новые поводы. Лозунги для шельмования интеллигенции звучали невероятно громко: например, «Чем больше у тебя знаний, тем ты реакционнее» или «Вся ученость до краев полна разврата и воровства». Участники расправ утрированно превращали тупоконечные чиновничьи шапки династии Цин в остроконечные колпаки и нахлобучивали их на головы жертв. В те времена еще не было электрических рупоров, поэтому гонителям порой приходилось использовать высокие колпаки вместо рупора: вскакивая на «платформу казни демонов», они перечисляли прегрешения осужденного, а

затем водружали колпак обратно ему на голову.

Во времена династии Юань общество делилось на десять рангов: чиновники, уездные служащие, буддийские монахи, даосские жрецы, лекари, торговцы, охотники, проститутки, конфуцианские ученые и нищие. Тогда интеллигенция стояла даже ниже продажных женщин и была лишь на одну ступень выше попрошайек. И надо же такому случиться: порядок иерархии при династии Юань точь-в-точь совпадал с очередностью травли во время Культурной революции, и интеллигенция как раз угодила на девятое место. Что еще удивительнее, вождь как-то в шутку процитировал реплику из пекинской оперы «Взятие горы Вэйху»: «Старика № 9 нельзя отпускать». Из-за этих трех совпадений интеллигенцию по привычке стали называть «стариком № 9». Во время Культурной революции, чтобы травля была глубже и обрела новизну, перед «стариком № 9» добавили иероглиф «вонючий», так что оскорбление заиграло всеми красками, получилось ярким, живым и легко запоминающимся.

Некоторые историки утверждают, что вождь никогда не забывал о том, как в молодости, работая в библиотеке Пекинского университета, он пытался сблизиться с тогдашними пионерами движения и академическими светилами — господами Чэнь Дусю и Ли Дачжао. Он хотел со своим энтузиазмом и мудростью обсудить с ними великие дела Поднебесной: «Спросим у бескрайних просторов, кто владыка судеб?», «Указывая на горы и реки, разить словами, презрев владетелей тысяч дворов тех лет», но вместо этого удостоился лишь вежливого и холодного приема с их стороны. Если судить с точки зрения психологии, этот эпизод оставил у вождя затаенное предубеждение против интеллигенции (хотя сам он был великим интеллектуалом), и именно это, возможно, стало причиной того, что после освобождения он вновь и вновь то отпускал поводья, то натягивал их, подавляя в китайских литераторах привычку задирать хвосты.

Общеизвестно, что для достижения коммунизма необходимо накопить колоссальное материальное богатство, способное удовлетворить принцип распределения по потребностям. Наша страна же, начиная с 1958 года и вплоть до 1976-го, только и делала, что занималась политическими кампаниями, что неизбежно тормозило производство и накопление материальных благ. Сама по себе кампания была огромной растратой человеческих, материальных и финансовых ресурсов.

1958 год был особым годом, наполненным теплом коллективизма. Если бы человек смог пожить в 1958 году, одно воспоминание об этом казалось бы ему удачей и счастьем. То был год преждевременных родов коммунизма, и люди той эпохи действительно вкусили его прелесть сполна. Повсюду гремели трудовые речёвки и новые народные песни, на стройплощадках в любую минуту подавали изобильное угощение, похожее на праздничный пир — ешь что душа пожелает и когда пожелаешь. Не нужно было готовить дома, пищу подавали прямо в общественной столовой: коллектив готовил всё самое лучшее, ничего не утаивая, люди ели от пуза, а по выходным еще и потчевали пельменями с толстой мясной начинкой. Дети наедались до такой степени, что уже не могли проглотить ни кусочка, и тогда они использовали пельмени вместо снарядов для игры в войну.

Однако диалектика жизни безжалостна, и ничто прекрасное не способно сохраниться в своем лучшем виде под стеклянным колпаком. 1958 год стал годом, когда ветер приподнял лишь краешек подола трагедии.

В старые времена один богатей положил глаз на чужой двухэтажный дом и попросил строителя возвести для него точно такой же. Мастер начал строить с первого этажа. Богатей пришел в ярость и заорал: «Мне нужен второй этаж! Кто просил тебя строить первый?» Мастер не смог ему ничего растолковать, покачал головой и ушел. Чтобы осуществить коммунизм, от людей требуется достижение высочайшей сознательности мышления, а материальные блага должны стать неисчерпаемыми, неиссякаемыми и предельно изобильными. Иными словами, строительство материальной и духовной цивилизации должно идти рука об руку, достигая невиданного уровня цивилизованности, причем ни одно из двух условий нельзя упускать.

Вроде бы говорят в народе: «Сколько гору ни ешь — источишь, сколько поле ни паши — сведешь», и любая толковая домохозяйка знает истину: «Принимая гостей, нельзя ударить в грязь лицом, а в повседневной жизни приходится вести счет каждой монете», «Тщательный расчет ведет к долгому ручейку». Есть и другое изречение, обнажающее саму суровую суть человеческой жизни: «Милосердный полководец войском не командует, добрый человек делами не управляет». Во все времена, как в Китае, так и за рубежом, и в будущем тоже, те, кто управляет страной и ведет хозяйство, в глубине души поступают именно так, и лишь в коммунистическом обществе этому придет конец. Подумав, понимаешь, что это действительно так. Иначе просто нельзя, иначе перед кем несешь ответственность? Представьте себе: если бы те, кто ведает мешками с зерном, ослабили завязки, проявив сказочное милосердие и доброту, и раздавали бы всё до последней крошки, это неизбежно привело бы к тому, что сегодня одна группа людей объелась бы до смерти, а завтра от голода вымерла бы другая.

Как скудные запасы зерна могли выдержать обжорство, когда каждый ел от души? Непосредственным следствием этого стал трехлетний период трудностей с 1958 по 1961 год, когда люди боролись за выживание, и борьба с голодом стала главным содержанием подлинной истории народа той поры.

В 1960 году в некоторых районах Хэнани в столовых дошли до того, что стали массово умирать от голода. В селе Хэйлунчжай общины Хэйлунцзи уезд Дэнсянь людей гибло так много, что у живых уже не оставалось сил. Выкопать для каждого покойника отдельную могилу сделалось невозможным — приходилось с трудом долбить одну общую большую яму и хоронить всех вместе. В те дни ходил невеселый анекдот: старик и невестка из одной семьи умерли от голода одновременно, но у оставшихся в живых домочадцев и односельчан не было сил копать для них две могилы, и их просто сбросили в общую яму, где они покатались и переплелись вповалку. С тех пор каждый раз, проходя мимо того бугра у края поля, люди неизменно пересказывали эту историю о неуместном совместном захоронении, передавая ее из поколения в поколение долгие годы. Случалось и так, что в какой-нибудь семье кто-то умирал, но смерть скрывали, чтобы получать в столовой лишнюю пайку. Тело прятали в доме, и нередко крыши обгладывали его ноги до белых костей, а глаза выгрызая до пустых глазниц.

В семье Лун Фэя из селения от голода умерли оба старика, а оставшиеся члены семьи едва дышали. Сельчане один за другим уходили в поисках пропитания, и десять дворов из десяти пустовали. Глядя, как мимо их ворот проходит семья Вэнь Тулу, младший брат Лун Юн произнес: Брат, в народе говорят: «Люди с места сдвинутся — выживут, дерево пересадишь — засохнет», «Нельзя вешаться на одном дереве». Видишь, семейство Вэнь уже ушло, давай и мы уйдем?

Могилы предков здесь, как же оторваться от родной земли!

Живым — и то нечем задницу прикрыть, лишь бы себя спасти, какие уж тут мертвецы?

Ты прав, конечно. Только куда же нам податься?

Родня невестки живет в Хубэе, говорят, там еще можно жить. Только мы, хэнаныцы, такие простофили: едва начинается какая-то кампания, как чиновники на местах начинают действовать с особым усердием, соревнуясь за звание передовиков движения, а в итоге передовиками простого народа становится земля на кладбище.

Тише, не болтай, услышат — опять ярлык навесят.

Пусть вешают хоть на заборный кол, мы всё равно уходим. Лун Фэй беспомощно кивнул, и вскоре вся семья из восьми человек, вооружившись коромыслами и заплечными корзинами, уныло поплелась пешком на юг.

Состав семьи был таков: Лун Фэй, его жена Хуан Цзиньхуа, старшая дочь Лун Юйсян, вторая дочь Лун Юйпин, третья дочь Лун Саньцзе. Третий ребенок от рождения был немного слабоумным. Четвертым был сын по имени Цзуйцзи. Пятая — Лун Сяонюй, а также младший брат Лун Фэя по имени Лун Юн, холостяк. Эту Лун Сяонюй Юйпин подобрала прошлой зимой рано утром у колодца, когда ходила за водой. Она принесла ее домой, но домашние не хотели оставлять ребенка, боясь, что тот не выживет. В деревне ее тоже никто брать не хотел, и тогда Юйпин настояла на своем, потребовав непременно оставить девочку, а сама была готова терпеть голод и отрывать от своего рта куски, чтобы выкормить Лун Сяонюй.

Когда семья Лун добралась до Цзюлигана, Лун Фэй был уже при смерти. Юйпин бросилась в поле обрывать стручки фасоли, чтобы спасти его, но стоило засунуть их ему в рот, как он уже не мог жевать — его голова поникла, и он испустил дух. Вэнь Тулу, уже обосновавшийся в Ливане, созвал односельчан, и они наскоро предали Лун Фэя земле у Могилы Сянгуна. Семья Лун обосновалась в Ливане, но как назло, еда в местной столовой в те дни была на редкость хорошей: каждый день готовили тушеную свинину с пастушьей сумкой, по огромной миске на человека за один присест. Лун Юн не вынес такой обильной пищи и у него начался жестокий понос. Если остаться здесь еще ненадолго, Лун Юн превратился бы в живую рыбу на разделочной доске — жить ему оставалось считанные часы. Делать было нечего, семье Лун пришлось покинуть Ливань и перебраться в десятую бригаду. Когда Лун Юна донесли до долины Гуйгуангу, он совсем угас. Юйпин побежала на гору, сорвала горсть диких сухих фиников, прибежала обратно к лежаку дядюшки и опустила на колени, чтобы покормить его. Несмотря на сладость фиников, Лун Юн уже не мог разжать губ. Он с трудом покачал головой, медленно окинул всех тускнеющим взглядом, закрыл глаза и покинул этот бранный мир.

Сироты и овдовевшие женщины с громким плачем похоронили Лун Юна в долине Гуйгуангу и со слезами на глазах двинулись дальше, переселившись в десятую бригаду. У Хуан Цзиньхуа в родных краях не осталось близких кровных родственников, нашелся лишь троюродный брат по имени Хуан Цзинь, который был бригадиром десятой бригады. Хуан Цзинь проронил скупую мужскую слезу, утешил их и устроил на новом месте.

<http://bllate.org/book/22008/2287963>